

Я решила подшутить над ней и, улыбнувшись, спросила Вэй Хуань:

— А-Хуань, ты знаешь эту историю? По логике, Шилюнян должна была играть отличной клюшкой, как же она сломалась?

Вэй Хуань взглянула на Дугу Шао, указала на Цуй Мин-дэ и сказала:

— Спроси у неё.

Цуй Мин-дэ не ответила, лишь промолвила:

— Уже поздно, давайте сначала посмотрим костюмы для поло. После этого сыграем полчаса, а то ворота дворца скоро закроются.

Я взглянула на небо и поняла, что время действительно поджидает. Тут же велела принести все костюмы, изготовленные в Шаофу, а также те, что сегодня пожаловал отец. Сейчас для игры в мяч чаще носят коричневые, белые, алые и синие цвета, потому Шаофу и представил костюмы всех этих цветов, украшенные узорами из цветов и трав. Выглядели они не слишком роскошно, да и материалом была обычная парча. Костюмы, дарованные отцом, были наполовину красные, наполовину пурпурные, с узкими рукавами и отложными воротниками, и на каждом были вышиты разные благоприятные птицы: феникс, цинлуань, белая цапля, павлин, белый фазан, аист, журавль...

Мне показалось, что пурпурный цвет чересчур вычурный, и лучше выбрать алый, украсить его можно было бы поярче — журавлями или павлинами. Я спросила их мнение, и первой откликнулась Дугу Шао:

— Когда мы будем играть, это будет против Вашего Величества или против её слуг?

Вэй Хуань ответила:

— В любом случае, разницы нет.

Цуй Мин-дэ взяла один из белых костюмов с цветочным узором и сказала:

— Давайте возьмём этот.

Дугу Шао хлопнула в ладоши и рассмеялась:

— Я как раз хотела предложить то же самое. А ты что думаешь, Вэй?

Вэй Хуань тоже улынулась:

— Прекрасно. А какие узоры вы хотите?

Цуй Мин-дэ слегка склонила голову, внимательно разглядывая костюм и о чём-то размышляя. Дугу Шао и Вэй Хуань тоже уставились на него, погружившись в мысли. Дугу Шао, размышляя, протянула руку и принялась медленно перебирать ткань в руках у Цуй Мин-дэ. Та, заметив это, шлёпнула её по руке и, повернувшись ко мне, спросила:

— Эрнян, а какие узоры хотела бы ты?

Я ответила:

— Я думаю, наши костюмы будут часто надевать, поэтому узоры должны быть особенными. Лучше всего, чтобы у нашей команды появилось собственное имя...

Не успела я договорить, как Дугу Шао уже захлопала в ладоши:

— Назовёмся «Непобедимая команда победителей»!

Цуй Мин-дэ бросила на неё неодобрительный взгляд, и та поправилась:

— Тогда, может, «Небесная мощь»?

Вэй Хуань предложила:

— Может, «Небесное благословение»? Или «Светлый путь»? Что скажешь, Эрнян?

Я подумала, что она обращается ко мне, и уже собралась ответить, но Цуй Мин-дэ вдруг произнесла:

— Если хотите чего-то величественного, лучше попросить Ваше Величество дать имя. Как думаешь, Ли Второй?

Её неожиданно ласковое обращение застало меня врасплох. Подумав, я поняла, что это действительно надёжнее, и кивнула:

— Хорошо. Завтра я поговорю с отцом и матушкой об этом. Ну что, можем уже выходить? Если задержимся ещё, стемнеет, и скакать будет неудобно.

Вэй Хуань сказала:

— Нам всё же нужно сначала выбрать костюмы.

Она потянула Цуй Мин-дэ обратно к обсуждению узоров, и даже Дугу Шао присоединилась к ним. Трое зашебетали, причём Дугу Шао настаивала на чём-то ярком, а Вэй Хуань, как человек, долгое время управлявший складами, прекрасно разбиралась в тканях. Они спорили, а Цуй Мин-дэ, словно ходячий справочник, обсуждала каждую мелочь: где нужна окантовка, какие нити использовать, сколько слоёв должно быть на воротнике и манжетах, какие ткани будут и изящными, и уместными, какие узоры что означают, какие цвета подчеркнут цвет лица, и где сделать подрез, чтобы костюм и фигуру выгодно обрисовывал, и для верховой езды удобным был...

Я смотрела, как они оживлённо спорят, чувствуя себя оставленной в стороне. Усевшись в одиночестве, я ощутила, как от выпитого вина голова стала тяжёлой, и вскоре глаза начали слипаться. Постепенно я и вовсе свалилась на бок. Когда я проснулась, было уже совсем темно, и я оказалась не в зале, полном золота и драгоценностей, а в своей спальне. Одежду на мне сменили, лицо и руки вымыли — всё было чисто.

Я сбросила одеяло, встала и, выйдя, крикнула:

— Где Дугу Шао? Где Вэй Хуань?

Увидела, что Вэй Хуань, потирая глаза, идёт ко мне со служанкой, держащей свечу:

— Проголодалась? На кухне похлёбку подогревают.

Мой живот тут же предательски заурчал, но я спросила:

— А Дугу Шао где?

Она подошла ближе, потрогала мой лоб и ответила:

— Уже уехала.

Я надулась:

— Почему ты не разбудила меня, когда я заснула? Мы же договорились поиграть в мяч, а теперь уже не успеем.

Она бросила на меня взгляд:

— Ты была пьяна в стельку, как бы ты играла? Хорошо ещё, что Цуй Эрнян сообразила вас разговором отвлечь, а то если бы ты на лошадь взгромоздилась да свалилась, всем нам было бы худо.

Я широко раскрыла глаза:

— Вы специально болтали, чтобы я не пошла играть? Почему бы просто не сказать прямо? К чему эти хитрости? И ещё в глазах А-Шао я опозорилась.

Вэй Хуань ответила:

— Она твой партнёр по игре. Захотела играть — позови её. Не захотела — отпусти домой. Какое тут лицо?

Мне не понравились её слова, и я нахмурилась:

— А-Хуань.

Она проигнорировала меня, позвала служанку со свечой, взяла влажное полотенце и принялась вытирать мне лицо, приговаривая:

— В груди не тяжело? Не мутит?

Я обиженно отодвинулась:

— Мучит, ещё как мутит.

Она кивнула служанке, та, взяв свечу, тихо вышла. Вэй Хуань поставила свечу на пол, села рядом со мной и сказала:

— Я знаю, ты хотела поиграть, и я не против. Если погода будет хорошей, соберём компанию, позовём нескольких придворных, подготовим всё в Цзяофан, конюшне и на поле — и играй сколько душе угодно, мы все тебе составим компанию. Но только не так, как сегодня: нагрузившись вином, да ещё с дурными мыслями на уме. Выберись ты в таком виде — даже если бы и удержалась в седле, могла бы на ветру простудиться. Ты и так не очень крепка здоровьем, а заболев, за неделю не оправишься. Пришлось бы тут сидеть взаперти, разве не было бы тебе ещё хуже?

Она положила руку на мою и принялась нежно поглаживать, словно я была маленьким

ребёнком. Обычно я ценила бы её заботу, но сейчас на душе было странно.

— Я не об этом, — сказала я. — Не о том, пьяна я или нет. Если не хотела идти, могла прямо сказать, к чему эти уловки? И с А-Шао так нельзя обращаться.

Вэй Хуань усмехнулась:

— Это ты им двоим должна сказать.

Я вспомнила, как Цуй Мин-дэ сама затеяла тот разговор, и как Дугу Шао быстро к ней присоединилась. На душе стало ещё тоскливее. Я обхватила колени руками и замолчала.

Вэй Хуань похлопала меня по плечу. Я не отреагировала, и она придвинулась ближе — так близко, что я уже чувствовала исходящее от неё тепло. Некоторое время мне казалось, что она вот-вот обнимет меня, но она остановилась на расстоянии, где тепло чувствовалось, а тела не соприкасались.

Её ровное, размеренное дыхание доносилось справа сзади и, как всегда, приносило чувство успокоения. Моё сердце постепенно утихомирилось, и вскоре я не выдержала — обернулась взглянуть на неё. Она тоже пристально смотрела на меня и, встретившись со мной взглядом, улыбнулась, тихо вздохнула и накрыла своей рукой мою.

— Днём ты много выпила и говорила что попало. Впредь так не делай. У тебя сердце слабое, поменьше пей вина.

Я смотрела на неё. В её глазах была такая нежность. Раз она могла смотреть на меня так нежно, как она могла меня не любить? Но если она и вправду любит меня, почему тогда ведёт себя именно так? Мне хотелось схватить её и хорошенько, начистоту всё выпросить. Но в конце концов у меня не хватило смелости. Я лишь трусливо и жалко кивнула, чувствуя тепло её руки на своей, чувствуя, как её нежность обволакивает меня. Я желала, чтобы эта ночь никогда не кончалась, чтобы мы могли сидеть так вечно, до скончания веков, пока моря не высохнут и камни не истлеют, пока все мифы не превратятся в предания, пока все обещания вечности не исполнятся, пока... не наступит тот день, когда мы сможем открыто, при всех, среди бела дня, сидеть рядом, взявшись за руки.

Я никогда ещё не чувствовала себя такой ничтожной. Хотя я никогда и не считала себя настоящей принцессой, с детства я почти всегда получала всё, чего хотела, и делала всё, что хотела. Каким бы ни было моё внутреннее состояние, эта плоть поистине принадлежала к числу самых благородных и могущественных людей империи, что день ото дня набирала силу.

Я всегда полагала, что если не буду строить несбыточных планов, а стану смиренно и покорно служить отцу, матушке и братьям, то проживу свою жизнь в мире и достатке. Но всё, что произошло за последний год,, казалось, разрушало это убеждение.

<http://bllate.org/book/16278/1466573>